

DOI: 10.31168/2619-0869.2021.2.18

**К вопросу
о грамматическом значении
сослагательного наклонения
в независимом употреблении
в старорусском языке
(на материале текстов смоленского
происхождения первой половины XVII в.)**

Наталья Павловна Иордани,

МГУ имени М.В. Ломоносова,
Москва, Российская Федерация;
e-mail: iordani.natasha@yandex.ru

Ключевые слова: история русского языка, сослагательное наклонение, грамматическая семантика, старорусские деловые документы

**On the Question
of the Grammatical Meaning
of Subjunctive Mood in Independent Use
in the Middle Russian Language
(Based on the Smolensk Texts from
the First Half of the Seventeenth Century)**

Natalia P. Iordani,

Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russian Federation;
e-mail: iordani.natasha@yandex.ru

Keywords: history of the Russian language, subjunctive mood, grammatical semantics, Middle Russian business documents

Грамматическое значение сослагательного наклонения в независимом употреблении в современном русском языке обычно описывается как оптативное¹, а некоторые исследователи придают ему статус желательного синтаксического

наклонения². Такая оппозитивная семантика может возникать только в диалогических контекстах или при их имитации в письменных текстах, поскольку оценка ситуации с точки зрения ее желательности или нежелательности в таких случаях исходит от говорящего, а не от субъекта действия³.

Грамматическое значение, выражаемое глаголом в форме сослагательного наклонения, напрямую зависит от лица субъекта. Оно может быть описано как желательное только в тех случаях, когда при форме сослагательного наклонения употребляется субъект 1-го или 3-го лица. Подобные употребления нередко встречаются в материалах Национального корпуса русского языка⁴:

«Шел бы он», — мысленно решал он, куда бы послать Рубца — так, чтобы не мешал разбираться с цыганками (С.В. Дигол. Старость шакала) = 'Я хочу, чтобы он ушел'

— У меня семья, — сказал он. — Был бы я один... (Д.А. Гранин. Искатели) = 'Хотел бы я быть один'

Однако в сочетании с местоимением 2-го лица — в случае, когда субъект совпадает с адресатом высказывания, — эта форма приобретает побудительное значение, оформляя директивный речевой акт. Значение желательности в подобных контекстах трансформируется таким образом, что сослагательное наклонение в своем значении и употреблении сильно сближается с повелительным⁵. Например:

— А вот ты помолчал бы, — вдруг сурово приказал директор. — Вот помолчал бы ты немного = 'Помолчи' (Ю.О. Домбровский. Факультет ненужных вещей).

Анализ деловых документов смоленского происхождения первой половины XVII в., выполненный по изданию «Памятники обороны Смоленска»⁶ (далее — Смол.), подготовленному Ю.В. Готье, показал, что в более ранний период, как и в современном русском языке, формы сослагательного наклонения, употребляясь с местоимением 2-го лица, выражали спектр побудительных значений. Обратимся к контекстам:

... а котораго числа отпустиш и ты б о том в Смоленскъ к боярину і воеводам и к дяку отписал (Смол. 37) = 'Отпиши об этом в Смоленск'

... а сотника **бы** [ты] стрельцокого Костю Щелина и смоленских стрелцов **отпустил** в Смоленскъ тотчасъ (Смол. 37) = '**Отпусти** стрелецкого сотника и смоленских стрельцов'

Однако в старорусских документах сослагательное наклонение в контекстах с местоимением 2-го лица встречается крайне редко: такое императивное значение обычно выражают формы повелительного наклонения или инфинитивы с частицей **бы**⁷.

Гораздо чаще сослагательное наклонение фиксируется в употреблении с субъектом в 3-м лице. Но, как показывают контексты, в начале XVII в., в отличие от современного русского языка, в таком контексте формы сослагательного наклонения также приобретали императивное значение, о чем свидетельствуют примеры:

... и тѣ **бы** всякие люди на ноч **ходили** на стену на сторожу, хто гдѣ написан за час до вечера на послѣ днем часу дни (Смол. 73) = '**Пусть** эти люди ночью **ходят** в дозор на городскую стену'

... И никто **б** вязмич и дорогобужан з дворов **не ссылал** и наймов **бы** на них никто **не имал** для нынешнего осадного времени (Смол. 115) = '**Пусть** никто **не прогоняет** вязьмичей и дорогобужан со своих дворов и **не берет** с них деньги за постой'

... а у кого на дворех поварен нѣт, и тѣ **б** люди у себя на дворехъ или в огородахъ или в берегахъ **дѣлали** печи (Смол. 133) = '**Пусть** люди **делают** печи во дворах, в огородах или на берегу реки'

... и на вскупѣ **бы** всякие люди хлѣба никаково **не купили** (Смол. 122) = '**Пусть** люди **не покупают** хлеб для перепродажи'

Важно отметить, что в таких контекстах грамматическое значение сослагательного наклонения не может быть интерпретировано как желательное: эти формы действительно выражают побуждение. Дело в том, что подобные употребления обнаруживаются в документах определенного содержания — в наказных памятях, которые представляют собой

распоряжения, регламентировавшие разные аспекты жизни Смоленска во время осады. Подобные предписания не могут носить рекомендательный характер, поскольку после каждого распоряжения оговаривается наказание, положенное за его нарушение. Например, в одной из наказных памятей (Смол. 122) строго определяется объем хлеба, который можно было приобрести, и объявляется запрет на перепродажу зерна. Завершается документ следующей санкцией:

... и тѣх людей [которые будут перепродавать хлеб по завышенным ценам] велѣти имати и приводили б ихъ къ боярину и воеводам, и тѣм людей за то быти кажненымъ торгового казнью (Смол. 122)

В соответствии с текстом другой наказной памяти (Смол. 66) смоляне должны принять меры для того, чтобы предотвратить возможные пожары во время осады, а в конце документа определяется наказание за неисполнение требования:

... которые люди учнут ходити с огни с лучиною по двору по улицам, а кого поймают, и тѣмъ людемъ быти кажнену торгового казнью бити кнутом (Смол. 66)

Подобные санкции, указанные в конце каждой наказной памяти, завершают цепочку форм сослагательного наклонения, выступающих с субъектом 3-го лица, и свидетельствуют о том, что изложенные выше предписания являются не просто желательными или необходимыми, а обязательными для исполнения всеми жителями города. Следовательно, в начале XVII в., как показывают документы делового содержания, сослагательное наклонение, употреблявшееся с субъектом в 3-м лице, приобретало значение жесткой императивности, близкое к приказу.

Таким образом, можно говорить о том, что в старорусский период сослагательное наклонение в независимом употреблении могло развивать побудительное значение, сочетаясь с субъектом не только во 2-м, но и в 3-м лице, в отличие от современного языка, где эти глагольные формы в сочетании с субъектом в 1-м или 3-м лице выражают исключительно оптативное значение.

Примечания

- ¹ Золотова Г.А., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М., 2005. С. 325.
- ² Русская грамматика / под ред. Н.Ю. Шведовой. М., 1980. Т. II. С. 106.
- ³ Добрушина Н.Р. Сослагательное наклонение в русском языке: опыт исследования грамматической семантики. Прага, 2016. С. 57.
- ⁴ Национальный корпус русского языка. URL: <https://www.ruscorpora.ru>.
- ⁵ Бондарко А.В., Буланин Л.Л. Русский глагол: Пособие для студентов и учителей / под ред. Ю.С. Маслова. Л., 1967. С. 131.
- ⁶ Памятники обороны Смоленска 1609–1611 гг. / под ред. Ю.В. Готье. М., 1912.
- ⁷ Булаховский Л.А. Исторический комментарий к русскому литературному языку. Киев, 1958. С. 350.

DOI: 10.31168/2619-0869.2021.2.19

**Рукопись *Phaebus Poeticus...*
(Российская государственная
библиотека, фонд 173. I,
единица хранения № 529)
как пример «семинарского» дискурса
середины XVIII в.: русский
и церковнославянский языки**

Злата Алексеевна Червонная,

МГУ имени М.В. Ломоносова,
Москва, Российская Федерация;
e-mail: chervonnayazlata@yandex.ru

Ключевые слова: Славяно-греко-латинская академия, «семинарский» дискурс, церковнославянский язык, русский язык